

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 163—173.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 163—173.

Научная статья

УДК 1:316:378

DOI: 10.46726/И.2022.2.17

ФИЛОСОФ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: КОУЧ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ?

Ксения Леонидовна Ерофеева

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина,
г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные функции преподавателя философии в современном университете. Обосновывается утверждение о том, что философ в вузе необходим, прежде всего, как представитель интеллигенции и воспитатель интеллигенции последующих поколений. Понятие интеллигенции рассматривается в аспекте единства моральных и интеллектуальных качеств личности. Проанализировано принципиальное отличие русской интеллигенции от интеллектуалов революционных эпох Запада. Рассмотрено также отношение интеллигенции с властью через призму таких черт как самоотверженность и жертвенность. Констатируется, что специфика всякого исторического момента диктует конкретные требования к философу, как в этическом, так и в когнитивном аспекте. В качестве особо значимой исследуется такая черта интеллигенции как способность к стратегическому мышлению, которая предполагает умение выстраивать долгосрочные программы оптимизации. Предложена авторская дефиниция понятия «интеллигент» в рамках образовательного дискурса — это личность, способная мыслить стратегически и воздерживаться от крайних суждений, обладающая гражданским мужеством, моральной ответственностью, отстаивающая справедливость на всех уровнях социальных отношений.

Ключевые слова: интеллигенция, коуч, преподаватель вуза, философия, воспитание и образование, система ценностей, стратегическое мышление, принцип золотой середины, справедливость

Для цитирования: Ерофеева К.Л. Философ в современном университете: коуч или представитель интеллигенции? // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 163—173.

Original article

A PHILOSOPHER IN A MODERN UNIVERSITY: A COACH OR A REPRESENTATIVE OF INTELLIGENTSIA?

Ksenia L. Erofeeva

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin,
Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Abstract. The article deals with the social functions of a philosophy teacher at a modern university. The assertion about the necessity of a philosopher presence in a university is substantiated: first of all, a philosopher is necessary as a representative of the intelligentsia and an educator of the intelligentsia of subsequent generations. The concept of intelligentsia is considered in the aspect of the unity of the moral and intellectual qualities of the individual. The fundamental difference between the Russian intelligentsia and the intellectuals of the revolutionary eras of the West is analyzed. The attitude of the intelligentsia to the authorities is also considered through the prism of such traits as selflessness and sacrifice. It is stated that the specificity of any historical moment dictates specific requirements for the philosopher, both in ethical and cognitive aspects. The author focuses on the ability to think strategically as a particularly significant feature of the intelligentsia. The article also pays attention to the ability and the characteristic feature of real representatives of intelligentsia to build long-term optimization programs. The author's definition of the concept of "intellectual" within the framework of educational discourse is proposed — it is a person who is able to think strategically and refrain from extreme judgments, possessing civic courage, moral responsibility, upholding justice at all levels of social relations.

Keywords: intelligentsia, coach, university teacher, philosophy, upbringing and education, system of values, strategic thinking, principle of the golden mean, justice

For citation: Erofeeva K.L. Philosopher in the modern university: a coach or a representative of intelligentsia?, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 163—173.

В условиях виртуализации и цифровизации университетского образования среди педагогов и представителей администраций вузов все чаще звучит утверждение, что преподаватель теперь — это не ментор, а коуч. Этот новый термин лишь недавно вошел в употребление, поэтому остановимся на его категоризации. «Коуч-преподаватель не дает советов и жестких рекомендаций, он ищет решения профессиональных вопросов совместно с обучающимся. Итогом подобного общения может и должно стать достижение определенной цели, новых, позитивно сформулированных результатов в жизни и работе обучающегося» [Сушко, Чолак: 155—156]. Многие представители коучинг-движения акцентируют внимание на том, что оно сфокусировано прежде всего на достижении четко определённых целей вместо общего развития.

Из этого можно сделать вывод, что отныне педагог в вузе не должен расценивать себя как воспитателя разносторонней личности. Его задача — сформировать профессиональные компетенции. Такое видение представляется неверным даже применительно к дисциплинам узкопрофессиональным и совершенно неприемлемым в отношении философии. Размышляя о взаимоотношениях философии с когнитивными науками, В.А. Лекторский подчеркивает: «Философия и когнитивные науки вступают в диалог, в котором происходит как их взаимное обогащение, так и взаимная критика. Философия при этом не теряет своего нормативного характера, так как анализирует

предпосылки концепций, выдвигаемых в когнитивных науках, и оценивает их» [Лекторский: 5]. Представляется, что это утверждение справедливо и для всех прочих наук, в том числе в случаях, когда эти науки выступают в качестве учебных дисциплин высшей школы. Об этом аспекте нередко забывают при формировании стратегий учебного процесса в университетах. Не менее важен антропологический аспект взаимодействия философа со студентами. Цифровая цивилизация XXI века привела к обострению фундаментальных противоречий существования родового человека, породила антропологический кризис. Как справедливо утверждает белорусский педагог и философ А.Д. Король, зачастую «человек не видит своего абсолюта, поскольку его расширяющееся внешнее пространство сужает пространство внутреннее» [Король: 45].

В этой связи весьма актуальной будет попытка показать, что преимущественная задача философа в современном университете — оставаться представителем интеллигенции. Для этого необходимо подробнее рассмотреть понятие «интеллигенция», уточнить его определение с учетом объективных потребностей современного общества. Данное понятие широко фигурирует в разных контекстах как научного дискурса, так и обыденного сознания. В разные периоды своего существования оно наполнялось различными смыслами и содержанием, приобретало разную аксиологическую нагрузку. Как отмечают В.С. Меметов и В.В. Комиссаров, «в социально-гуманитарных науках нет единого подхода к определению интеллигенции. Существует несколько трактовок, из которых самые известные: социологическая, нравственно-этическая, функциональная и др.» [Меметов, Комиссаров: 70].

Начиная с рубежа XIX—XX веков и до наших дней, все авторы, рассматривающие интеллигенцию как явление общественной жизни, сходятся в одном: она понимается как категория людей, соединяющих в себе высокий интеллект и высокий уровень нравственности. Но и интеллект, и уровень нравственности, в свою очередь не однородны. Они складываются из отдельных признаков и свойств. Так, интеллектуальный уровень характеризуется умением находить нетрадиционные решения проблем, способностью анализировать ситуацию, критически оценивать информацию и т.п. Нравственность складывается из совестливости, сострадательности, чувства ответственности, правдивости и многих других признаков и свойств.

Попытаемся определить те свойства, которые сегодня наиболее соответствуют объективным потребностям человека и общества. Акценты на тот или иной атрибутивный признак интеллигенции расставляет сама жизнь со всеми особенностями, как социальной действительности, так и индивидуальных характеров и судеб. Кроме того, многие авторы исходят из того, что явление это — сугубо национальное, присущее только русской культуре. Так еще в начале XX века Г.П. Федотов писал: «Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Неповторима не только “русская”, но и вообще “интеллигенция”. Как известно, это слово, т. е. понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке» [Федотов: 173]. Далее он добавлял: «В наши дни европейские языки заимствуют у нас это слово в русском его понимании, но неудачно: у них нет вещи, которая могла бы быть названа этим именем» [Федотов: 173]. Уже позднее, в конце XX века, академик Д.С. Лихачев, отмечал: «Понятие это чисто русское и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное. К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям» [Лихачев: 3].

Там же он подчеркивал: «В иностранных языках и в словарях слово “интеллигенция” переводится, как правило, не само по себе, а вкуче с прилагательным “русская”» [Лихачев: 3].

Сегодня, в информационном постиндустриальном обществе, в эпоху глобальных изменений, как в материальной, так и в духовной сферах общественной жизни, **актуальными** становятся следующие вопросы. Какое определение можно дать *современной* интеллигенции? Можно ли говорить о глобальном значении этого понятия? Как изменились социальные функции интеллигенции, ее место в культуре?

Как уже отмечалось выше, главным отличительным признаком интеллигенции большинство исследователей признает сочетание интеллекта и нравственности. Также почти все авторы прямо или косвенно указывают на особую социальную миссию этой группы. Современный исследователь феномена интеллигенции социолог и философ Н.Е. Покровский утверждает, что интеллигенция — это особый общественный слой, большая группа, главное занятие которой состояло и состоит в умственном труде, рассматриваемом в широком нравственном контексте. Для этой группы нравственные поиски субъективно истолковываются как социальное предназначение [Покровский]. Задачи в рамках этой миссии называют разные, в зависимости от конкретных объективных потребностей общественного организма той или иной эпохи. По всей видимости, именно в связи с этим в научной литературе приводятся и разные сроки появления феномена интеллигенции. Так представитель советской науки Л.Я. Смоляков утверждал: «Интеллигенция возникла не в недрах капитализма, а еще в античном мире, на заре истории классового общества, в связи с развивающейся потребностью в духовном производстве и его субъектах...» [Смоляков: 17].

Действительно, трудно спорить с тем, что одной из основных, а, возможно, и основной функцией интеллигенции является производство духовных ценностей, смыслов, идеалов. Авторы рубежа XIX—XX веков, то есть — революционной эпохи российской истории, закономерно акцентировали внимание на политической составляющей в сознании и поведении интеллигенции. Характерно, что такое видение мы встречаем и у «веховцев» (Г.П. Федотова, П.Н. Милюкова и других), и у марксистов. Например, в уже упомянутой работе Г.П. Федотова неоднократно подчеркивается, что нравственность для русского интеллигента непосредственно определяется его политическими убеждениями. О русском интеллигенте XIX века Федотов говорит: «Чаще всего он берет готовую систему “истин” и на ней строит идеал личного и общественного (политического) поведения» [Федотов: 177]. В.И. Ленин, обнаруживая во всех своих высказываниях об интеллигенции крайний утилитаризм, также рассматривает ее исключительно через призму политики. Заявляя, что «Слишком надеяться на интеллигенцию рабочему классу и крестьянству не приходится», что «околокадетские профессора» помогают заговорщикам против власти большевиков, он, в то же время подчеркивает: «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережём. Это факт» [Ленин: 47—49].

Все эти высказывания отражают действительное положение вещей. Социальная неоднородность представителей образованного слоя в России предреволюционной и революционной эпохи породила полярные политические взгляды. Среди образованных людей, которые искренне признавали свой долг перед Отечеством, Народом, а не просто соблюдали собственные

эгоистические интересы, понимание этого долга также кардинально различалось. Это и породило специфическое явление *русской* интеллигенции, для которой вопрос о собственном социальном предназначении был поставлен более радикально, чем для интеллектуалов революционных эпох Запада. Если, например, французские энциклопедисты видели свою общественную миссию в *просвещении* народа, то русские народники, социал-демократы, большевики — нередко в *служении* народу.

Самоотверженность, жертвенность русской интеллигенции, вытекает из особенностей русского менталитета с одной стороны, и самой русской социальной действительности — с другой. Менталитет характеризуется, в частности, приверженностью к крайностям во взглядах и поступках. Об этом качестве неоднократно писал Н.А. Бердяев. Размышляя о своем народе в работе «Русская идея» философ отмечал, что «он не знал меры и легко впадал в крайности» [Бердяев 2008: 30]. А в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», пытаясь объяснить этот максимализм, утверждал следующее: «Русская душа стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному, и это религиозная в ней черта. Но она легко совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда она впадает в идолопоклонство. Именно русской душе свойственно переключение религиозной энергии на нерелигиозные предметы, на относительную и частную сферу науки или социальной жизни» [Бердяев 1955: 18].

Социальная действительность также демонстрировала крайности: деспотизм власти, ее неспособность и нежелание облегчить жизнь народа с одной стороны — и неспособность безграмотного, забитого веками крепостного рабства народа самостоятельно отстаивать свои интересы — с другой. Интеллектуалы всех эпох и культур находятся, в определенной степени, в положении «третьей силы» между властью и народом. Но ни в какой другой стране и культуре это положение не становилось таким сложным и трагическим как в России нового и новейшего времени. Осознавая себя не просто как просветителя, но как воспитателя и спасителя народа, интеллигенция осознавала также и гибельность для себя этого морального выбора. У нее не оставалось надежд на безболезненное, «бескровное» разрешение противоречий. Поэтому жертвенность стала отличительной чертой, нравственной доминантой в предреволюционный период, в последние десятилетия XIX века. Эта доминанта сохранилась для русских интеллигентов и в последующий период.

В годы советской власти формы служения народу и своей стране для интеллигенции изменились не столь существенно. Как и в пору «хождения в народ» представители гуманитарной, технической и художественной интеллигенции учили, лечили детей и взрослых, руководили инженерными проектами, создавали понятное широким массам искусство. Как и в XIX столетии уровень материального благополучия этих тружеников, работников умственного труда принципиально не отличался от уровня рабочих или крестьян. В целом можно видеть, что как в дореволюционной России, так и в советский, и в постсоветский периоды истории, российские работники умственного труда имели и имеют значительно меньший достаток, чем их коллеги в западных странах. Этим, отчасти, объясняется и более явное сочувствие русской интеллигенции простому народу, и более радикальное противостояние власти.

Взаимоотношения интеллигенции с властью всегда были и остаются двойственными. С одной стороны, будучи заинтересованной в общественном

блага, интеллигенция при любых режимах и формах правления стремится найти с ней общий язык, донести до власти свои проекты улучшения жизни в социуме. С другой стороны, будучи неизменно субъектом социальной критики, видя все негативные стороны политической действительности, интеллигенция неизбежно оказывается в оппозиции, скрытой или явной, более или менее выраженной. Последнее зависит от характера власти и степени социального влияния самой интеллигенции. Анализируя стратегии взаимодействия интеллигенции с советской властью, Г.А. Будник отмечает: «Советская интеллигенция в большинстве своем искренне разделяла социалистические идеалы и активно сотрудничала, несмотря на многие неосуществленные надежды, с политическим режимом, являясь в то же время источником явной и тайной оппозиции» [Будник: 40]. Это справедливое утверждение применимо и к другим эпохам, в том числе — к самым ранним. Когда феномен интеллигенции, по утверждению большинства исследователей, как таковой еще не существовал, примеры подобных отношений нравственных интеллектуалов с властью уже были. Платон и Сенека, Конфуций и Авиценна, Леонардо и Галилей — многие выдающиеся мыслители, ученые, изобретатели, художники искали свой компромисс в отношениях с властью преобладающими, чтобы сохранить жизнь и продолжить свой интеллектуальный труд на благо человечества.

Несмотря на сказанное выше по поводу сугубо национальной специфики интеллигенции как исключительно русского явления, необходимо указать следующий момент. В эпоху глобализации появляется все больше оснований утверждать, что глобальный характер приобретает и социальная группа интеллигенции. Подчеркнем: не в силу профессиональной принадлежности, не по каким-либо еще формальным критериям (участие в общественных движениях, политические ориентации и т. п.). Отнести к интеллигенции конкретного индивида — мужчину или женщину, представителя восточного или западного общества, молодежи или старшего возраста — можно опять лишь по единству в нем нравственности и интеллекта. Конкретные формы проявления этого единства всегда обусловлены, с одной стороны, индивидуальностью, а с другой — спецификой исторической ситуации.

В чем же состоит специфика современной интеллигенции? Очевидно, что ее следует искать во всех атрибутивных признаках: и в качествах интеллекта, и в моральных качествах, и в отношении к власти. Интеллектуальные способности, которые наиболее востребованы в эпоху глобальных проблем и угроз — это не просто способность эффективно разрешить назревшее противоречие, но способность к *стратегическому* мышлению. Это предполагает видение дальних, не явных последствий любых социальных действий, умение выстраивать долгосрочные программы оптимизации. Но под оптимизацией в данном контексте следует понимать не максимальную экономическую выгоду для отдельных личностей или корпораций (что имплицитно понимается под этим термином сегодня), а буквально — нахождение оптимума. Оптимум, как известно, это «наилучший вариант решения задачи или путь достижения цели при данных условиях и ресурсах». Наилучший вариант для общества в целом — это баланс интересов всех его субъектов. Но этот баланс имеет свое название в качестве фундаментальной категории этики — справедливость.

Таким образом, становится явной и специфической черта «морального кодекса» современного интеллигента — ориентация на общечеловеческие интересы. Эта задача наиболее трудна. Она встречает яростное сопротивление с разных сторон, поскольку моральное и социальное зло сегодня выступает

именно в разнообразных формах радикализма и экстремизма. Иначе говоря, к интеллигенту и как к интеллектуалу, и как к моральному авторитету, объективная ситуация предъявляет требование держаться золотой середины и призывать к тому же общество. Это касается всех значимых общественных вопросов: экономики, политики, религии. Специфические особенности отношений интеллигенции с властью вытекают из двух названных выше особенностей. Как интеллектуал, видящий перспективы своей страны, региона, человечества, интеллигент обязан всеми доступными ему средствами доводить до представителей власти свои опасения и предложения по разрешению противоречий. При этом открытая конфронтация крайне не желательна, этому учит и горький исторический опыт, и наука психология, которая в XX—XXI веках пришла к пониманию непродуктивности враждебного конфликта и продуктивности сотрудничества. Разумеется, это не означает призыва к соглашательству. Но упорство отстаивания справедливой позиции не должно переходить в деструктивные, насильственные формы. Таковы задачи, стоящие перед интеллигенцией как отдельной общественной силой. В современной ситуации интеллигент — это личность, обладающая стратегическим мышлением, гражданским мужеством, моральной ответственностью, стремлением к справедливости.

Что же касается профессиональных качеств, которые наиболее актуальны в условиях современности, то все группы интеллигенции (гуманитарной, технической, административной, художественной) объединяет одно — добросовестность. Она подразумевает неуклонное выполнение своих обязанностей. Эта сентенция, казалось бы, тривиальна. Но в современной цивилизации, где господствуют ориентации на гедонизм и избыточное потребление, уклонение от своих профессиональных обязанностей приобрело беспрецедентно широкие масштабы. Интеллигент может сохранять свое качество лишь при условии, что будет являть для остальной части общества пример культуры труда, добросовестного выполнения профессионального долга. Российская действительность последних лет, как и в другие эпохи, демонстрирует такие примеры. В период пандемии безупречное выполнение профессионального долга, а нередко и героизм демонстрировали сотни врачей. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которые поставлены сегодня российские учителя, есть поразительные примеры самоотверженного служения этой профессии. Однако в целом, к сожалению, не приходится говорить, что современная интеллигенция подает пример другим социальным группам в своем отношении к труду.

Перечисленные специфические задачи, стоящие перед интеллигенцией в современном обществе в полной мере относятся и к философу как преподавателю и педагогу. Но для этой социальной роли все перечисленные выше стороны личности наполняются особым значением. Основная функция философа — мышление. Но, как известно из всей истории философии, насчитывающей два с половиной тысячелетия, мышление может быть и родом интеллектуальной игры, схоластическим манипулированием понятиями. Оно может быть совершенно оторвано от практических нужд общества и человека, может становиться родом интеллектуального аутизма. При таком понимании философии как рода деятельности выпадает одна из базовых составляющих понятия интеллигента. Философ становится только интеллектуалом. Этот феномен нередко можно наблюдать в западной культуре XX—XXI века, в частности — у представителей постмодернизма. Распространен он и среди российской интеллектуальной элиты.

С одной стороны, это явление можно считать показателем спокойного, «нормального» (по аналогии с «нормальной наукой» Т. Куна) периода развития культуры. Однако эпоху глобальных проблем и рисков современного техногенного общества едва ли можно считать настолько спокойной, чтобы философия в вузе могла удаляться от запросов общественной жизни. Философия — и об этом нельзя забывать ни самим философам, ни обществу в целом — это фундамент мировоззрения. Это хорошо понимали представители власти советского периода, отводя философии как учебной дисциплине место базиса в системе высшего образования. И если такой подход часто оказывался неэффективным — не достигал поставленной официальными идеологами цели — это происходило не из-за выбора самого подхода. Дело заключалось в том, что сама философия как искренний поиск истины и любовь к мудрости подменялась догматическим вариантом единственной философской системы — марксистской.

Постсоветский период существования философии в вузах — это, напротив, постепенное вытеснение ее из учебных планов. Правда, этому процессу предшествовал недолгий расцвет. «Золотой век» философии совпал с самым трудным и драматическим периодом «лихих девяностых». И это вполне закономерно, так как радикальная перестройка мировоззрения, ревизия системы ценностей происходила в сознании миллионов сограждан. А что может насытить духовный голод человека, оказавшегося на подобном перепутье? Только философия и религия. Религия может выполнить эту задачу быстрее и проще. Но для личности думающей, рефлексиирующей, способной к критическому мышлению одной религии во все времена оказывалось недостаточно. Даже желая оставаться в границах религиозного сознания, она продолжала задаваться «проклятыми» вопросами, сомневаться — философствовать.

Расцвет вузовской философии в эти годы произошел благодаря двум условиям. Во-первых, в 1990-е годы взрывообразно возросло число публикаций ранее не издававшихся философских трудов. Люди самых различных возрастов, профессий, социальных возможностей с интересом читали и обсуждали их. Студенты, разумеется, были в авангарде этого процесса. Ведь они только вступали во взрослую жизнь и испытывали насущную потребность в ней разобраться. Во-вторых, министерствам и прочим государственным структурам, определяющим политику образования, было не до регламентации учебных планов и программ. Преподаватели могли говорить со студентами свободно, на темы, больше всего интересующие их самих и их юных слушателей. Университеты, разумеется, если они располагали кадрами достойного профессионального уровня, были оплотом свободного, творческого мышления, духовных поисков. Они были тем, чем и должно быть университету со времен европейского средневековья, когда они только возникли — самостоятельной духовной и интеллектуальной силой, мало зависящей как от светской власти, так и от церкви.

Однако по мере утверждения рыночных отношений и соответствующей им идеологии, интерес к философии быстро стал иссякать как на уровне политической стратегии, так и в массовом сознании. Сам склад мышления в эпоху рынка — склад прагматика, нацеленного исключительно на экономическое преуспевание — диаметрально противоположен строю мыслей философа. Тем более — противоположны системы ценностей. Любая, даже самая материалистическая философия, в конечном счете утверждает приоритет духовного, а не материального начала в человеческой жизни (как бы это духовное

начало ни истолковывалось). Разумеется, «герою» нашего потребительского времени такая иерархия ценностей глубоко чужда и не понятна. Даже свою религиозность подобная личность рассматривает как очередную инвестицию ради земного и загробного преуспевания. От философии же она требует четко сформулированного и однозначно понимаемого рецепта достижения все того же преуспевания. Поскольку же по самой своей сути философия не может формулировать такого рода рецептов — она отбрасывается.

Итак, с учетом объективных потребностей современного общества, можно сформулировать актуальное определение интеллигента следующим образом. Это личность, способная мыслить стратегически, воздерживаться от крайних суждений, отстаивающая справедливость на всех уровнях социальных отношений.

Как видим, это определение демонстрирует интеллектуальные и моральные качества. Ими определяется и отношение современного интеллигента с властью. Например, отстаивание справедливости неизбежно время от времени должно приводить к критике власти, однако, избегание крайностей предостерегает от экстремизма в высказываниях и поступках. Философ в вузе, в силу самой специфики предмета, призван прививать студентам перечисленные качества. И критицизм, и чувство меры, и любовь к справедливости — это отличительные черты всех крупных мыслителей классической философии. Справедливость рассматривалась как высшая ценность в учении Конфуция. Принцип критичности (иронии) у Сократа стал одновременно и инструментом мышления, и моральным императивом. А принцип золотой середины у Аристотеля составляет суть его учения об обществе: пронизывает этику, эстетику, политический идеал. Можно продолжить этот перечень именами философов нового времени. Но важнее помнить, насколько эти идеи актуальны в XXI веке и какими новыми нюансами содержания они наполняются сегодня. Один из подобных важных нюансов справедливо отмечает В.С. Кржевов: «Задача научного сообщества — всемерно способствовать утверждению в сознании людей, действующих в сфере практической политики, принципов “этики ответственности”, а не “этики убеждений” [Кржевов: 33]. Добавим, что эта задача не в меньшей, а возможно — в еще большей степени стоит перед философами как учеными и как идеологами своего общества.

Разумеется, преподаватель любой дисциплины гуманитарного цикла может вносить свой вклад в формирование у молодой, развивающейся личности названных качеств. Но каждая из прочих гуманитарных наук имеет свой особый предмет и предполагает свои аспекты в процессе формирования мировоззрения. Например, культурология позволяет воспитывать толерантное и доброжелательное отношение к представителям иных наций, религий, идеологических систем. Правоведение прививает уважение к закону, умение защищать свои права и права других людей... Каждая из этих дисциплин делает акцент на той или иной ценности (группе ценностей). Философия же выстраивает *систему* ценностей. Философ обязан показывать изменчивость, динамичность этой системы, отражающую динамизм самой жизни человеческого общества. Философ, если он умеет мыслить стратегически, может аргументировано продемонстрировать наиболее злободневные, насущные потребности социального целого. Свое видение он обязан доносить до общества всеми возможными средствами — с экрана телевизора, посредством интернет-возможностей, в живом общении. Но представляется, что самая простая и нужная задача для философа в вузе — это и сегодня, как прежде, задача

воспитания интеллигенции будущего [Смирнов 2008а, 2008б]. Но не следует забывать, что главное средство воспитания мировоззрения — это личный пример. И, напротив, когда декларации тех или иных принципов расходятся с поведением их провозглашающего субъекта, это чаще всего производит мощный отрицательный эффект. Иначе говоря, самая благая идея может быть дискредитирована неискренностью, фальшью, расхождением слова и поступка. Печально, что в условиях дистанционного общения с преподавателем и постоянного сокращения аудиторных часов, философ становится почти «виртуальной личностью» для студента. Но выразить себя как личность перед молодой аудиторией он всегда имеет возможность. Ведь студенческий возраст уже достаточно зрелый для того, чтобы верно оценивать личностные качества преподавателя.

Список литературы / References

- Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
(Berdyayev N.A. Russian idea, St. Petersburg, 2008, 320 p. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. 160 с.
(Berdyayev N.A. Origins and meaning of Russian communism, Paris, 1955, 160 p. — In Russ.)
- Будник Г.А. Высшая школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент 1945—1985 гг. (На материалах Центрального района России). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 249 с.
(Budnik G.A. Higher school and intelligentsia: Soviet educational and educational experiment 1945-1985. (Based on the materials of the Central region of Russia), Ivanovo, 2003, 249 p. — In Russ.)
- Король А.Д. Антропологический кризис в социальных реалиях XXI столетия // Философские науки. 2021. № 5. С. 45—56.
(Korol' A.D. Anthropological crisis in the social realities of the XXI century, *Philosophical sciences*, 2021, iss. 5, pp. 45—56. — In Russ.)
- Кржевов В.С. Профессиональные знания и моральный долг ученого: возражая М. Веберу // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 33—37.
(Krzhevov V.S. Professional knowledge and the moral duty of a scientist: objecting to M. Weber, *Voprosy Filosofii*, 2019, iss. 7, pp. 33—37. — In Russ.)
- Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5—17.
(Lektorskiy V.A. Philosophy in the face of cognitive research, *Voprosy Filosofii*, 2021, iss. 10, pp. 5—17. — In Russ.)
- Ленин В.И. Письмо А. М. Горькому. 15 сентября 1919 // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 51. С. 47—49.
(Lenin V.I. Letter to A. M. Gorky. September 15, 1919, *Lenin V.I. Complete works: in 55 vols*, vol. 51, Moscow, 1970, pp. 47—49. — In Russ.)
- Лихачев Д.С. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3—9.
(Likhachev D.S. Letter to the Editor, *Novy Mir*, 1993, iss. 2, pp. 3—9. — In Russ.)
- Меметов В.С., Комиссаров В.В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 70—79.
(Memetov V.S., Komissarov V.V. Soviet intelligentsia in Soviet historiography: once again about the problem of definitions, *Intelligentsia and the World*, 2014, iss. 1, pp. 70—79. — In Russ.)

- Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция // На перепутье (Новые вехи): сб. статей. М.: Логос, 1999. С. 33—51.
(Pokrovskiy N.E. Farewell, intelligentsia, *At the crossroads (New milestones)*, Moscow, 1999, pp. 33—51. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке // Интеллигенция и мир. 2008а. № 3. С. 60—71.
(Smirnov G.S. New young Russian intelligentsia: philosophical problems of noospheric ecology, anthropology and personology in the 21st century, *Intelligentsia and the World*, 2008a, iss. 3, pp. 60—71. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке // Интеллигенция и мир. 2008б. № 4. С. 61—79.
(Smirnov G.S. New young Russian intelligentsia: philosophical problems of noospheric ecology, anthropology and personology in the 21st century, *Intelligentsia and the World*, 2008a, iss. 4, pp. 61—79. — In Russ.)
- Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция: социально-философский анализ. Киев: Наукова Думка, 1986. 223 с.
(Smolyakov L.Ya. Socialist intelligentsia: socio-philosophical analysis, Kyiv, 1986, 223 p. — In Russ.)
- Сушко Н.Г., Чолак А.П. Этико-психологические аспекты современного вузовского преподавания // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2014. Т. 5. № 1. С. 153—157.
(Sushko N.G., Cholak A.P. Ethical and psychological aspects of modern university teaching, *Scholar Notes of the Pacific State University*, 2014, vol. 5, iss. 1, pp. 153—157. — In Russ.)
- Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Философия и общество. 2003. № 3. С. 173—199.
(Fedotov G.P. The tragedy of the intelligentsia, *Philosophy and Society*, 2003, iss. 3, pp. 173—199. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.03.2022.

The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.03.2022.

Информация об авторе / Information about author

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Erofeeva Ksenia Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru